

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ХІІІ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВАН СССР
(краткие сообщения)

октябрь 1977 г.

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1977

Но ценность этой группы стихов и в другом. Рядом с гиперболизированными самовосхвалениями и традиционно-абстрактными образными сопоставлениями в этих касыдах встречается немало строк, где поэт сообщает реальные сведения о себе и говорит о своем литературном труде.

Касыды ф а х р и й е развились в XII веке как антитеза панегириков и дают богатейший материал для понимания такой важной историко-культурной проблемы как самосознание средневекового писателя.

Л и т е р а т у р а :

- دیوان خلاق العانی ابولفضل کمال اسمعیل اصفهانی ...
با اهتمام حسین بحر العلوم ، تهران ، ۱۳۲۸ ،
с. 134-139
- دیوان انوری ... با اهتمام محمد تقی مدرس رضوی
جلد اول ، تهران ، ۱۳۳۷ ،
с. 326-329
- دیوان ... خاقانی شروانی ، ۱۳۱۲ ،
с. 247-255
- دیوان جمال الدین محمد عبد الرزاق اصفهانی نا تصحیح
حسن وحید دستگردی ، تهران ، ۱۳۲۰ ،
с. 240-243
- محمد عوفی ، لباب الالباب ،
London ، 1906 ، т.П,
с. 270-276.

Е.Э.Бертельс, История персидско-таджикской литературы. М., 1960,
с. 513.

Л.В.Дданова

ОБРАЗ "МОРЯ" В ЦИКЛЕ ЧХВЕ ЧХИВОНА "ВОСПЕВАЮ ВЕТЕР И
ЛУНУ" (884 г.)

В предыдущих работах^I мы останавливались на общих характеристиках пространства, времени и личности в цикле Чхве Чхивона "Воспеваю ветер и луну". Рассмотрев цикл с этой точки зрения, мы пришли к выводу, что он представляет собой особое художественное единство, призванное воплотить идею космоса как гармонического целого.

В данной статье мы обращаемся к изображению в этом цикле мироощущения конкретной личности (автора) в конкретной ситуации. Остановимся на образе "моря". "Море" в китайской поэтической традиции, в рамках которой творил Чхве Чхивон, не пользовалось особым вниманием поэтов. Корейская авторская поэтическая традиция того времени, если судить по сохранившимся текстам, вообще не обращалась к "морю"². Между тем, в цикле "море" встречается столько же раз, сколько "гора", один из наиболее часто употребляемых образов в китайской традиции. Специальное его рассмотрение убеждает в том, что отношение к нему поэта совершенно особое, которое, однако, угадывается не сразу.

"Море" встречается в восьми из десяти стихотворений цикла, причем с ним соотнесены "ключевые" образы этих стихотворений — образы, вынесенные в заглавия, "образы-темы".

"Море" в цикле выступает в основном как пространственный образ. Реализуется прежде всего его цвет (синий) и динамика (вечное ритмическое движение — приливы и отливы).

"Море" осмысливается в "социальном", "личностно-эмоциональном" и "космическом" планах.

Среди "морских" стихотворений цикла явно выделяется группа из четырех стихотворений, в которой "море" осознается как социально значимое пространство. Это — "Рододендрон" (№ 5), "Опасно стоящий на вершине горы камень" (№ 7), "Невысокая сосна на камне" (№ 8), "Текущий по камням источник" (№ 10). Сюжет каждого из этих стихотворений разворачивается относительно "моря". Более того, именно "море" придает напряженность, драматизм его развитию. Так, цветок редких достоинств, очевидных далеко не каждому, ("таящий в себе аромат") вынужден страдать "у синего моря", тогда как его место — "у красных (т.е. дворцовых) перил" (№ 5); "невысокая" на вид, но способная быть надежной опорой государству сосна — "ни на что не годна", ее удел — "стареть средь дымки и зари" оттого, что она растет на берегу моря (№ 8); камень, возможно, полный скрытых сокровищ (яшма), стоит никем не замечаемый на вершине горы и, кажется, "вот-вот рухнет в волны прилива" (№ 8); источник с необыкновенно чистой водой, исторгающий звуки редкой красоты, обречен исчезнуть в "синей глубине моря" (№ 8).

Отметим, что с цветом "моря" здесь соотнесены цвет "цветка" (№ 5) и "источника" (№ 10). "Море" (синее) и "цветок" (красный) даны как образы контрастных, диссоциирующих друг с другом явлений; "море" и "источник" — как образы явлений, которым нежела-

тельно соприкасаться, так как это влечет за собой утрату неповторимого "облика" одного из них (источник).

С динамикой морской стихии (прилив-отлив) в этих стихотворениях соотнесены образы камня и сосны; а именно с сосной и камнем, так же как с цветком и источником, автор отождествляет себя самого.

В указанных стихотворениях "море" — то, что противопоставлено истинным, но не явленным миру ценностям, то, что сопряжено с возможной утратой этих ценностей. Осознание поэтом себя как социально-значимой личности, осознание своего места в мире — одна из ведущих тем в цикле. Как свидетельствуют стихотворения № 5, 7, 8, 10, последнее понимается не соответствующим должному; именно этот лейтмотив и несет образ "моря".

Такое отношение поэта к "морю" связано с биографическими обстоятельствами (цикл был создан Чхве Чхивоном осенью-зимой 884 г. на морском побережье в Шаньдуне в ожидании возвращения из Китая на родину), которые осмысливались поэтом под углом зрения традиционного в данной культуре отношения к морю как к периферии. В указанных выше стихотворениях "море" выступает как знак пространства, с которым поэт соотносит свою судьбу, — мало радующее настоящее и будущее, которое также не сулит надежд.

Особую группу представляют два "морских" стихотворения — "Волны прилива" (№ 2) и "Песчаная отмель" (№ 3), в которых "море" подчеркнуто связано с эмоциональным состоянием человека. "Ключевые" морские образы "прилива" и "отлива" в них осознаются прежде всего как временные, связанные с представлениями о сутках и лунном месяце как вечно уходящих и вечно возвращающихся. "Прилив" ассоциируется со встречей с другом; с предельно острым ощущением исторического момента; с осознанием личностью степени собственной активности. Образ "прилива" воскрешает в памяти поэта образы таких сильных личностей, как полководцы Цаун Цле и Чжугэ Лян. Напротив, образ "отлива" — "отмели" связан с разлукой, с невозможностью встречи; зависимостью человека от непогоды (ему сопутствуют образы падающего снега, тумана, инея). Следует отметить совпадение предельно эмоционального состояния человека с максимальной фазой луны, с полнолунием.

В особую группу выделяются и стихотворения "Вершина, на которой камень" (№ 1) и "Чайка над морем" (№ 6), где дается "космическая" интерпретация образа "моря". С "морем" в этих стихотворениях соотнесены "гора" (№ 1) и "птица" (№ 6) — образы, неизмен-

но связанные в дальневосточной культуре с вечностью-бессмертием, которые вынесены в заглавие стихотворений. В самих текстах "море" ассоциируется с миром бессмертных (гора на побережье - гора-остров Пэнлай, мифическая обитель бессмертных; чайка - бессмертный у воды). В то же время с "морем" в этих стихотворениях связаны зрительные образы, в которых запечатлено данное мгновение (солнце над морем, "распускающееся", словно лотос; распеченные пеной волны, над которыми плавно парит чайка). "Море", представляющее и временное, и вечное, стимулирует мысленный выход за пределы данного мгновения, приобщение к "вневремени" (в ночь, к луне; в небо, где "пещеры бессмертных").

Рассмотрение контекстов "морских" стихотворений делает очевидным, что "море" в цикле несет повышенную нагрузку. С этим образом в цикле связано мироощущение личности, проявляющееся в конкретных обстоятельствах. Следует отметить и то, что такое внимание к "морю" и такая разносторонняя разработка образа в пределах сравнительно небольшого текста (мы имеем в виду цикл в целом), необычны для древней корейской поэзии.

¹ Д.В.Жданова, Стихотворения корейского поэта Чхве Чхивона (857-?), написанные осенью-зимой 884 г. - весной 885 г. (к структуре цикла), - ПИ и ПИКНВ, ХП/2, М., 1977, с.166-173 и др.

² О причинах этого см. М.И.Никитина, Представления об "образе" "старшего" в древней корейской поэзии (хянгя) и пейзажная поэзия на корейском языке ХУ-ХУШ вв., ПИ и ПИКНВ, ХШ.

Г.Д.Иванова

ОГАЙ - ПЕРЕВОДЧИК

Переводы художественной литературы играли особенно большую роль в Японии, начиная с последней трети прошлого века. Изолированная островная страна спешно приобщалась к мировой культуре. Не просто любопытство к жизни заморских народов, но насущная потребность самим войти в общий их круг, стать "гражданами мира" побуждала японцев активно развивать тогда переводческую деятель-